

О.Н. Глазунов

***ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ
РАДИКАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНЗИТИВОВ***

Москва
2009

Олег Николаевич Глазунов

Особенности культуры радикальных трансформаций в эпоху социальных транзитивов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901789

*Особенности культуры радикальных трансформаций в эпоху
социальных транзитивов. / Глазунов О.Н.: Пробел-2000; Москва; 2009
ISBN 978-5-98604-141-4*

Аннотация

Основной задачей книги является анализ роли культуры в современных радикальных трансформациях, как и в каких исторических обстоятельствах происходят революции и социокультурные преобразования. Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, колледжей, гимназий, школ, всех интересуется проблемами культуры.

Содержание

Введение	4
Глава 1	14
1.1. Общее понятие «транзитива» как перехода от одной формы организации социума к другой	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

О.Н. Глазунов

Особенности культуры

радикальных

трансформаций в эпоху

социальных транзитивов

Введение

Радикальные трансформации представляют собой исторически универсальный феномен. Без войн, переворотов, экономических и политических революций невозможно представить историю культуры. Вместе с тем, эти явления – часть жизни современного мира.

Радикальные преобразования внесли свой вклад в развитие тех форм, которые отличают культуру XX–XXI вв. «Рождение современности» прослеживается уже в периоды буржуазных революций – английской, французской, американской; русских революций начала XX века. Здесь отчетливо прослеживается влияние радикализма на самосознание общества, его идеологию и политику. Однако нельзя забывать, что данное влияние не ограничивается одной лишь сферой

«идеального». Радикальные движения в полном смысле являются творцами, конструкторами «материи» социальных изменений. Они задают вектор движения политической системе, а через нее – всей системе культуры. Особый интерес вызывает в наше время сам механизм подобного воздействия.

Не секрет, что на радикальные трансформации во все эпохи работал целый штат деятелей культуры. Так, «на войну» с древних времен работали (и работают по сей день) тысячи людей. Среди них – мыслители, ученые (гуманитарии, естествоиспытатели и «технари»); военные академии, институты, издательства, газеты, журналы. А с некоторых пор – еще радио и телевидение. Войны и революции стали элементом, целой сферой человеческой культуры, спутником человечества. В некотором роде они представляют собой образ мышления, более того С образ жизни.

Думается, в свете сказанного уместно говорить о культуре радикальных трансформаций как эпифеномене самих этих трансформаций. Более того, необходимой составляющей современного гуманитарного знания видится выяснение механизмов «сцепки» интеллектуального радикализма в сфере личного и общественного сознания – и процессов «перестройки» живого социального организма путем насильственных преобразований (войн, революций, бунтов и т. п.).

Однако в современной культурологии не так много работ, где обсуждаются проблемы культуры радикальных транс-

формаций в феноменолого-системном ключе. Современные исследования, посвященные радикальным трансформациям, как правило останавливаются на изучении событий периода XVIII – начала XX вв., и не идут дальше более – менее развернутых констатаций. Во многом это связано с тем, что методологическую базу для исследований подобного рода составляют приемы и средства исторической науки. А в ней, как известно, господствует принцип «запрета сослагательного наклонения». Вместе с тем, вопрос о закономерностях исторического процесса (т. е. о наличии в нем устойчивых повторяющихся связей) не только требует учитывать многоплановые «а если бы...». Он еще и соответствуют нынешним реалиям, когда гуманитарное знание всерьез претендует на то, чтобы считаться научным. А значит, способным выявлять закономерности. Культурология – одна из тех дисциплин, которые всерьез могут претендовать на решение этих трудных задач.

Следует заметить, что именно культурология имеет возможность описать конкретные типы радикализма, с которыми сталкивалось человечество на протяжении своей истории. Но описать не ради описания, а ради достижения куда более прагматической цели: выявления способов и степени влияния «радикалистских» и «не-радикалистских» форм друг на друга, а также на доминирующие тенденции общественного развития. Отдельной задачей является соотношение теории и практики радикализма с аксиологическим

фундаментом отечественной культуры. И, соответственно, разработка основных направлений стратегии при составлении научно обоснованных рекомендаций относительно всего комплекса культуры радикальных трансформаций.

Анализ роли и функций культуры в радикальных преобразованиях способствует не только пониманию сущности этого вида социальных изменений, но и культуры в целом. Кроме того, актуальность темы исследования обусловлена еще и тем, что современная культура переживает состояние, определяемое подавляющим большинством исследователей как «кризисное», «критическое», «транзитивное», «пороговое», «пограничное» или «переходное». Уже само переполнение гносеологического пространства таким количеством синонимов свидетельствует о напряженных попытках осмысления данного социокультурного состояния.

Проблематика специального анализа транзитивных эпох в историческом развитии культуры в отечественной культурологии оформилась сравнительно недавно. Если долгое время культурные целостности исследовались в некоем статичном состоянии, то современных исследователей культуры все больше начинают привлекать проблемы морфогенеза, трансформации культуры, то есть, культурной динамики и, в частности, моменты наиболее напряженного динамизма – переходные состояния культуры. Напрямую с феноменом транзитивных состояний в развитии культуры культурологи столкнулись при попытке осмыслить Возрождение как опре-

деленный этап в духовном развитии Европы, а в ряде случаев – и всего человечества. Этот тип культуры подробно исследовался именно в его логике переходности Баткиным Л.М.¹, Гуревичем А.Я.², Знамеровской Т.П.³, Конрадом Н.И.⁴, Лосевым А.Ф.⁵.

Понимание переходной природы Возрождения поставило вопрос о существовании типологически подобных культурных эпох. Сходные характеристики стали выявляться в культуре Барокко, Романтизма (А.В. Михайлов⁶), Эллинизма (Г.С. Кнабе⁷). Исследуются транзитивные эпохи в истории русской культуры (Бердяев, И.В. Кондаков⁸, Ю.М. Лотман).

Необходимо также отметить, что усилившийся с 1950-

¹ Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М.: Изд-во РГГУ, 1995

² Гуревич А.Я. Категории Средневековой культуры // Избранные труды, Т. 2 – М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН, 1999

³ Знамеровская Т.П. Неаполитанская живопись первой половины 17 века. Из истории мирового искусства – М.: Искусство, 1978

⁴ Н. И. Конрад. Избранные труды. Синология – М.: Наука, 1977

⁵ Лосев А.Ф. Античная философия истории – М.: изд-во "Наука", 1977

⁶ Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи. Переход от романтизма к реализму в литературах Европы: Дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук: 10.01.08 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького М., 1989

⁷ Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по теории культуры и истории Древнего Рима. – М., 1990.

⁸ Кондаков И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 4.

х годов интерес к естественнонаучным изысканиям в области явлений самодвижения и самоорганизации материи, трансформации сложных систем, обострил интерес философов и культурологов к переходным феноменам, а книга И. Пригожина и И. Стенгерс⁹ «Порядок из хаоса» стала методологической базой для некоторых исследований в области культуры. Наиболее полно опыт применения выявленных закономерностей самоорганизации материи к социальному и культурному развитию представлен в работах «Философия культуры» М.С. Кагана¹⁰, «Культура и взрыв» Ю.М. Лотмана, «Культура как система» А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко¹¹. Интересный анализ ключевых синергетических категорий «порядка» и «хаоса» проводится в работе В.И. Тасалова¹² «Хаос и порядок: социально-художественная диалектика». К исследованию трансформации социокультурных систем несколько раньше обратились социологи. Однако их интерес концентрируется в области политических, экономических и собственно социальных аспектов жизни общества.

⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. С М.: Прогресс, 1986. С 432 с

¹⁰ М. С. Каган Философия культуры. Становление и развитие. Издательство «Лань», 1998. С 434 с.

¹¹ Яковенко И.Г. Пелипенко А.А. Культура как система. М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998

¹² Тасалов В.И. Хаос и порядок: социально-художественная диалектика —.М.,1990,

«Культурное» же до сих пор понимается недостаточно широко и рассматривается как ценностно-нормативный аспект социума. Пример такого социологического исследования переходности – книга А. Н. Данилова «Переходное общество: Проблемы системной трансформации»¹³.

В отечественной науке, уже совмещая историко-социологический и культурологический подходы, исследованием транзитивных эпох занимаются А.С. Ахиезер¹⁴, В. Б. Земсков¹⁵, Я.К. Шемякин¹⁶, изучением личности в переходные эпохи культуры С.И.В. Бестужев-Лада, С.А. Кравченко¹⁷, Н.А. Хренов и др. Современное состояние культуры и культурного сознания глубоко анализируется в работах зарубежных авторов – Р. Гвардини¹⁸, Х. Ортеги-и-Гассета¹⁹, С. Хан-

¹³ Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации – Мн.: «Харвест» 1997

¹⁴ Ахиезер А. С. Социокультурные механизмы циклов культуры. // Искусство в ситуации смены циклов, Москва, 2002

¹⁵ Земсков В.Б. Жанр «Истории» и ловушки исторического и историко-литературного знания на рубеже тысячелетий // Известия АН. Серия литературы и языка, 2003, том 62, № 3.

¹⁶ Шемякин Я. Г. История мировых цивилизаций. XX век: – М.:Academa, 2000.

¹⁷ Кравченко С.А. Оценки процесса реформирования российского общества в свете интегральной парадигмы П.А. Сорокина. – Питирим Сорокине и социокультурные тенденции нашего времени. – Материалы к Международному научному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. – М. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУП, 1999.

¹⁸ Гвардини Р. 'Конец философии нового времени. 1954': Феномен человека: Антология. М.: Высш. шк., 1993

¹⁹ Х. Ортега-и-Гассет. Восстание масс. – Вопросы философии. 1989, № 4,

тингтона, Й. Хёйзинги; теоретиков постмодерна С.Р. Барта²⁰, Ж. Бодрийара, П. Козловски²¹, Ю. Кристевой, Ж.Ф. Лиотара, М. Фуко²² и др.

Отдельную группу составляют авторы, внесшие значительный вклад в развитие отечественной культурологии, социальной философии, социологии и философии культуры, чья научная судьба связана с Государственной академией славянской культуры. Среди них – И.К. Кучмаева, М.Н. Громов, А.С. Панарин, Г.П. Мельников, В.Ф. Козлов, А.Г. Климов, О.А. Запека и др.

Тема транзитивности в культуре остается открытой и имеет широкий спектр углов зрения, с позиций которых можно подойти к ее изучению. Кроме того, мне не удалось обнаружить какой-либо фундаментальной монографической работы, в которой бы выделялись, сопоставлялись основные концепции транзитивности, радикальных трансформаций и культуры. Тем более мне не удалось обнаружить ни одной работы, посвященной анализу условий возможности и специфики познания переходных состояний культурологией в

с. 115–116; № 3, с. 119.

²⁰ [Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. С М.: Прогресс, 1989.](#)

²¹ Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития / П. Козловски; Пер. с нем. Л.В. Федоровой и др. М.: Республика, 1997.

²² Фуко М. Что такое Просвещение / Пер. с фр. Е. Никулина // Вопросы методологии. С 1995. С № 1 С 2.

ситуации переживания переходного состояния современной культурой.

Специфика исследуемой проблематики не позволяет нам оставаться в рамках какого-либо одного методологического подхода, но требует синтеза различных теоретико-методологических оснований. На наш взгляд, при решении поставленных исследовательских задач необходимо обратиться, во-первых, к учению о гегемонии, представленной, прежде всего, в работах А. Грамши²³, М.Хоркхаймера²⁴ и Г.Лукача. Теория гегемонии получила развитие и в трудах отечественных исследователей культуры С.С.Кара-Мурза, Ю.Лотмана, Бахтина, А.Н.Дмитриева чьи работы дают теоретическую основу работы. Критическая теория Теодора Адорно. В этом плане нам полезны исследования Э.Фромма, Вильгельма Райта, Г.Маркузе.

Кроме того, основой данной работы стали публикации и монографии по проблематике радикальных преобразований, истории, экономике, социальной политике, многочисленные публикации зарубежной, прежде всего американской и английской, и российской прессы. Среди современных западных ученых, занимающихся исследованиями проблемных вопросов в данной сфере, следует отметить, прежде все-

²³ Грамши А. Избранные произведения: [пер. с итал.] / [Под общ. ред. И. В. Григорьевой и др.; Вступит. статья Г. П. Смирнова; Примеч. И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизиано]. С М.: Политиздат, 1980

²⁴ М. Хоркхаймер, Т. Адорно "Диалектика Просвещения. Философские фрагменты". Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб, Медиум. Ювента, 1997.

го, работы С.Ханингтона, Ф.Фукуямы, Г.Маркузе, П.Бьюкенен, П.Кальвокоресси, З.Бжезинского. Проблема радикальных трансформациях выше перечисленными учеными решалась в рамках общеполитических проблем и теорий. С возникновением культурологии как научной дисциплины эта проблема почти всецело перешла под ее юрисдикцию и стала составной частью проблемы функций культуры.

Поэтому проблематика является новой для российских политических реалий, а круг специализированных источников, в т. ч. документальных, довольно невелик. При этом автор провел самостоятельное исследование и анализ широкого круга источников.

Глава 1

Понятие «транзитива» и «радикальных трансформаций» в истории культуры

1.1. Общее понятие «транзитива» как перехода от одной формы организации социума к другой

Анализируя культурные процессы, происходящие в различные эпохи, находя в них общее и особенное, типичное и исключительное, интеллектуальное и повседневное, мы особое место уделяем осмыслению феномену транзитивности. Этот термин для российской социологии и культурологии является новым и малоупотребляемым. По крайней мере, мне не удалось обнаружить ни одной работы в России, посвященной анализу условий возможности и специфики познания транзитивных процессов. Еще примечательнее, что и по сей день в многочисленных российских публикациях, посвященных проблемам культурологи, истории и философии почти не отводится места исследованиям транзитива. Мож-

но найти немало интересных и достаточно серьезных исследований, посвященных экономическим, психологическим и социальным преобразованиям, но исследований, рассматривающих транзитив как важнейшее условие и фактор происходящей трансформации, по-видимому, пока не существует.

Понятие «транзитивы», «транзитивные эпохи» применяется в основном американскими социологами для обозначения переходных состояний в культурно-историческом процессе. В данном контексте показательны следующие, близкие по смыслу понятию «транзитив»: переходные эпохи, «эпоха перемен», «эпоха трансформаций», «сдвиг» и др., сущность которых выходит за границы линейной парадигмы развития. Эти транзитивные эпохи представляют собой те «узлы» истории культуры, в которых и происходит смена культурно-исторических циклов. В них получает завершение то «старое», что сохранилось на протяжении предшествующего цикла, и складывается то «новое», чему предстоит развиваться в следующем цикле; при этом «старое» и «новое» в переходные периоды подчас неразличимо перепутываются, смешиваются, переходят друг в друга, создавая характерное пространство «смысловой неопределенности», в котором противоположности сосуществуют на равных, так сказать, во «взвешенном состоянии». Важно понять, какие культурно-исторические закономерности господствуют в эти транзитивные периоды и управляют сменой парадигм в истории культуры.

Транзитивная культурная эпоха, переходное состояние культуры в самом общем, исходном определении. С такой фрагмент культурно-исторического процесса, когда наличная культурная реальность уже вышла за границы прежнего качественно определенного культурного состояния (типа культуры), но не достигла еще характеристики целостности нового типа, нового системного уровня, определенности и самоидентичности нового качества. Поэтому транзитивные эпохи в культурно-историческом процессе характеризуются неустойчивостью и нестабильностью. Эти периоды, как правило, сопровождаются кризисами, возникновением и эскалацией рисков, провоцирующих деструктивные явления в культуре, трансформациями мировоззрения общества в целом, социокультурными сдвигами, противоречивостью художественных тенденций и одновременно – активными инновационными поисками во всех сферах жизнедеятельности.

Для эпохи транзитивов характерны величайшие войны, восстания и революции, всемирные столкновения народов, начинавшие новые эры в жизни человечества. В этот период происходит распространение различных учений – политических, религиозных и пр.; распространение ересей, религиозных смут и войн, политических заговоров и путчей. Здесь берет начало духовная деятельность человека, создаются культурные ценности, чистое искусство и наука становятся в край угла общественной жизни.

Характерными свойствами культур транзитивных эпох

являются медиациальность и синестезийность, выступающая в качестве антитезы по отношению к процессам дискретности, связанным с переходом. В ряду основных признаков переходности располагаются деструкция в поле универсалий культуры, ее полиморфность, конфликт духовных доминирующих концептов, многообразие тенденций художественных процессов, сочетание несовместимых субкультур, вариативность и трансформация смыслов прецедентных для социокультурного пространства феноменов. Порой в процессе транзитива складываются принципиально новые механизмы социокультурной динамики, дающие о себе знать (различно) как на этапе становления, так и на этапе агонии и распада цивилизационной модели.

Например, итогом Серебряного века в России, как известно, явился социокультурный взрыв – революция, приведшая к образованию «двух культур» в рамках одной национальной культуры, к росту насилия и кровопролитной гражданской войне, к установлению – впервые в мире – жестокого тоталитарного режима на территории огромной многомиллионной страны, положившего конец культурному и социально-политическому плюрализму и создавшему монолитную, монистическую советскую тоталитарную культуру и «параллельную» ей, непримиримую к революции и большевизму, «зеркально» ее копирующую культуру русского зарубежья. После кровавой и опустошительной революции, перешедшей в затяжную гражданскую войну, облик российской цивилиза-

ции принципиально изменился: на месте внутренне противоречивой, контрастной и динамичной, но тем не менее единой цивилизации возникли два цивилизационных феномена – Советская Россия и Русское Зарубежье; им соответствовали и «две культуры», противоборствующие, взаимополемичные, конфронтирующие – советская и русско-зарубежная. При всем взаимонеприятии и игнорировании друг друга оба феномена были тесно связаны между собой, представляя в паре конструкцию «взаимоупора», бинарную модель цивилизации.

Транзитивы не ограничены временем и могут длиться неопределенно долго. Один из таких периодов – это 1914–1934 годы, когда была решена судьба двадцатого века. Именно в это время были заложены основы будущего Европы и Америки. Примерно, такой же период происходит в современном мире. Старый мир окончательно и безвозвратно рухнул в 1991 году. Ушла "старая" эпоха. Новая – еще не наступила. Россия и Запад находятся в переходной стадии – ранняя форма глобализации закончилась 11 сентября 2001 года. Этот процесс будет длиться еще лет десять-пятнадцать – и возникнет новый мир. Новые эпохи побеждают, когда приходят новые люди и новая культура, события происходящие по всему миру, имеют большое значение для их прихода.

Неопределенности в суждениях о транзитивных состояниях возникают не только из-за трудности или даже невозможности обнаружить и точно фиксировать те состояния ве-

щей, которые позволяют говорить о том, что произошли изменения, но из-за сложности самих транзитивных состояний. Например, процесс гибели коммунизма не был кратковременен мероприятием времен правления Горбачева. Он начался задолго до 1985 или 1991 года, происходил во всех сферах жизни общества и во всех районах страны.

Транзитивный процесс, однако, означает не только крушение status quo ценностно-смысловой системы и разрушительную по своему характеру смену исторических парадигм, коренным образом меняющую культурную семантику и социальную организацию цивилизации. За ним стоит и представление о возникновении нового в культуре, спровоцированного драматическими, а подчас и прямо трагедийными обстоятельствами «выживания» культуры на грани гибели. Этот деструктивный процесс, сопутствующий смене культурно-исторических парадигм, в русской традиции связан с представлениями о «смуте» и «смутном времени», которые в контексте «большого времени» (М. Бахтин)²⁵ ассоциируются в такой же мере с «концом» истории, как и с ее «началом», с амбивалентной «смертью-рождением» культуры, повторяющейся в каждый переломный ее момент, со «взрывом», который может служить символом разрушения, но одновременно и созидательным толчком к порождению нового.

В каждое транзитивное время гибель одного, завершающегося цикла в развитии культуры совпадает с зарождением

²⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества – М., 1979

ем и подъемом нового. Фазы культурно-исторического развития, связующие конец одной эпохи и начало другой, отмечены печатью культурной переходности, внутренней противоречивости. Бросается в глаза типологическое сходство всех транзитивных эпох: от Средневековья к Новому времени (XVII век); от классической парадигмы к неклассической (Серебряный век); от советской к постсоветской культурной истории. В известном смысле все эти переходные эпохи представляют собой «смутное время» русской культуры.

Точный прогноз «смутных», переходных процессов оказывается на практике весьма проблематичным и условным. Поэтому природа возникновения транзитивных процессов в обществе до конца не изучены. Существуют несколько теорий или гипотез, которые никакими исследованиями не подтверждаются. Это, теория русского ученого А.Л. Чижевского, о влиянии солнечной энергии на течение всемирно-исторического процесса. Теория пассионарности Л.Гумилева, утверждающая, что пассионарии (сверхактивные люди) являются творцами истории и культуры. Проблемой возникновения переходных эпох занимались Ю.Лотман, А.Н. Данилов и И.В. Кондаков. Необходимо также отметить, что усилившийся с 1950-х годов интерес к естественнонаучным изысканиям в области трансформации сложных систем, обострил интерес философов и культурологов к переходным феноменам, а книга И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» стала методологической базой для некоторых ис-

следований в области культуры. Значимыми для нас представляются исследования зарубежных философов и культурологов: Р. Гвардини, Х. Ортеги-и-Гассета, С. Хантингтона, Й. Хёйзинги. Но и они не раскрывают всей полноты проблемы.

Все транзитивные эпохи отличаются друг от друга, поскольку культура в эти периоды совершает переход от качественно отличных друг от друга состояний к принципиально несходным. В то же время конкретные периоды во все переходные эпохи обладают чертами определенного сходства, которые и составляют суть и смысл культурного и цивилизационного «транзитива». Можно выделить четыре основных цикла или периода. Их можно охарактеризовать в рамках теории И.Пригожина как порядок – хаос – порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.